

**ФИЛОСОФИЯ FACE TO FACE.
ПУБЛИЧНЫЕ И ЧАСТНЫЕ ПРОСТРАНСТВА
АНТИЧНОЙ КУЛЬТУРЫ**

Размышления о книге: Дорофеев, Д. Ю. *Личность и коммуникации. Антропология устного и письменного слова в античной культуре.*
Санкт-Петербург: РХГА, 2015. – 639 с.

Б. В. МАРКОВ
Санкт-Петербургский государственный университет
b.markov@spbu.ru

BORIS MARKOV

Saint-Petersburg State University, Russia

PHILOSOPHY FACE TO FACE. PUBLIC AND PRIVATE SPACE OF ANCIENT CULTURE

ABSTRACT. Reflections on the book: D. Y. Dorofeev. *Personality and communication. Anthropology of oral and written words in ancient culture.* St. Petersburg: RHGA, 2015. – 639 p.

KEYWORDS: Identity, individual, body, soul, communication, speech, writing, friendship, polis, ethos.

Самое ужасное на свете – человек, если он безместен.

Судя по потоку публикаций, история античной философии ещё не завершилась. И это обусловлено не только открытием новых текстов, но и новыми интерпретациями. Книга Д. Ю. Дорофеева расширяет горизонт понимания античной философии благодаря применению методов современной философской и культурной антропологии. Такой подход может вызывать сомнения у тех историков философии, которые считают, что идеи возникают из идей, а ссылки на социальные, культурные и прочие предпосылки ничего не объясняют в эволюции мысли. В лучшем случае они выступают как внешние условия, способствующие или препятствующие развитию науки. Например, в недавно переведенной на русский язык книге У. К. Ч. Гатри (2015), несмотря на то, что он был учеником Корнфорта, ни одна из проблем, поставленных в монографии Д. Ю. Дорофеева, вообще не обсуждается. И наоборот, историки либо вообще не касаются философских проблем, либо опи-

сывают их как в учебном пособии. Конечно, экономический или социологический детерминизм и иные формы экстернализма столь же односторонни, как и интернализм. Поэтому главная трудность состоит в том, чтобы показать, как внешние факторы подсоединяются к истории мысли.

Книга Д. Ю. Дорофеева посвящена проблеме личности и коммуникации, точнее, тому, как личностные коммуникационные практики способствуют формированию, «сборке» человека в античной культуре. Среди таких практик автор монографии выделяет и подробно анализирует дружбу, эрос, воспитание, семью и личностные основы письменных автокоммуникаций в Древнем Риме (письма, дневники, воспоминания и автобиографии). Благодаря реконструкции разнообразных и многочисленных философских сочинений, произведений литературы и искусства, бытовых артефактов из истории повседневной жизни, а также различных документов, автор раскрыл сложную борьбу индивидуального и социального в человеке в философско-антропологической перспективе.

Классическая древнегреческая культура безусловно определялась разнообразными формами устного общения, позволяющими формировать единство граждан. Именно устное слово определяло в этот период письменное, а не наоборот, как в культуре XVIII–XIX вв. Но и на почве любви к литературе также постепенно устанавливалась новая форма общности, сложился общий смысл и вкус, дополняющий государственные добродетели. То, что греки были заложниками красивой речи – бесспорно. На агоре побеждал тот, кто убедительно говорил. По мнению А. И. Зайцева (2000, 35–53), это была одна из агональных практик, которые обеспечили расцвет культуры Древней Греции. Во всяком случае, что касается политики, умение держать речь было главным медиумом власти.

Платон отдавал приоритет разговору на том основании, что текст может попасть в руки плохого человека, и использован для достижения дурной цели. Он различал философию на устную, для посвященных, и письменную, для всех остальных; об этом много и убедительно писали сторонники «тюбингенской школы», среди которых в наше время выделяется Т. Слезак (2008). И всё же было бы опрометчиво настаивать на том, что устное слово и искусство речи было универсальным и единственным средством политики и образования. Так уже в поздних сочинениях Платона на место философа-политика ставится руководитель, заботящийся об улучшении породы вверенного ему стада домашних животных, а задача подготовки «стражей государства» возлагается на «евгенические» техники.

Подбору и переводу греческих и латинских слов, характеризующих те или иные формы человеческих качеств и отношений, автор уделил особенное внимание. Так, например, в первой главе первой части он выделяет шесть терминов, характеризующих понимание человека в античной культуре на разных ее стадиях: игрок-игрушка, тело, гражданин, этос, душа, «личность». Возможно, филологи не во всем согласятся и даже отметят ошибки в философских реконструкциях. Однако, радикальный перевод вообще невозможен, ибо и он является интерпретацией. Наиболее яркий пример философско-герменевтического подхода – хайдеггеровские переводы, которые сначала вызывали недоверие и критику историков и филологов, а

теперь воспринимаются как канонические. К сожалению, Д. Ю. Дорофеев не раскрывает и не обосновывает свои переводы, которые выглядят непроблематичными. Однако по мере прочтения реконструированного в монографии словаря античной культуры в голову приходит вопрос, идет ли речь о понятиях. Стоило бы оценить и другие обозначения, например, «базовые метафоры» (Блюменберг), феномены (Гуссерль), экзистенциалы (Хайдеггер) или концепты (Делёз). Например, сам термин «античный» довольно широкий, объемлющий культуры Древней Греции и Древнего Рима, где статус театра и иных зрелищ, например спортивных состязаний, был различным. Хотя в Риме упор делался на зрелищность, но и там Театр, Стадион. Колизей и Ипподром были не столько местами развлечений, сколько политическими контейнерами, объединяющими огромные массы различных людей в имперское тело. «Болельщики» уже тогда делились на «партии» и нередко вступали в драки, и это было частью политтехнологий Римской империи. Не случайно императоры в Риме, а позднее в Константинополе, прилагали значительные усилия и тратили огромные средства на строительство стадионов. Например, Ипподром при Юстиниане вмещал не менее 100 тыс. человек (Мельников 2013, 170).

Не только сведение *агона* к состязанию, но и сближение полиса и политики, личности и индивидуальности, следует принимать с некоторыми ограничениями. Можно ли, и в какой мере, говорить о личной и индивидуальной свободе афинского гражданина, это вопрос. Йегер четко сформулировал интерес к афинскому полису, которым руководствовались мыслители модерна: «Никогда в последующие времена государство не было в такой степени идентично достоинству и ценности человека» (Йегер 2001, 150) Дорофеев также настаивает на различии античного полиса и современного государства: «В современном европейском обществе с его гипертрофированным индивидуализмом государство существует для человека, тогда как в Древней Греции, наоборот, человек существовал для государства, которое было первично» (Дорофеев 2015, 97). Не следует преувеличивать государственные добродетели античного человека. Либеральные мыслители, например, К. Поппер в «Открытом обществе», расценивал платоновское идеальное государство как тоталитарное. Если взглянуть на эту проблему через призму гомеровских поэм, то можно отметить противоборство полисного и индивидуального начал. Собственно, и речь о духе Афин, приписываемая Фукидимом Периклу, содержит нечто для нас противоречивое. Политик подчеркнул, с одной стороны, невмешательство афинян в дела друг друга, а с другой стороны, высоко оценил готовность гражданина отдать жизнь за спасение полиса. Впрочем, подобное противоречие содержится и в клятве гладиатора (Егоров 2014) и присутствует в любых государственных присягах.

Наше понятие политического не совпадает с греческим. Определяя человека как «политическое животное» Аристотель имел в виду коллективность людей, их потребность жить сообща с другими в полисе. Благодаря этому они не только становятся сильнее, но и приобретают моральные, точнее, этические добродетели. Чаще всего *этнос* определяют как исток этики и морали. Демокрит понимал этос не

только как совокупность внешних обычаев, но и как внутренний голос, призывающий к благому. По Аристотелю этос – совокупность общественных добродетелей, обеспечивающих порядок дома и государства. Проанализировав античные тексты, автор открыл различие «этоса» как формы или, точнее, образа жизни и «характера», как некой заданной от природы психо-соматической структуры, которая воспринимается как судьба.

А. Ф. Лосев настойчиво акцентировал телесность античного мировоззрения. Продолжая эту мысль, Дорофеев проанализировал литературные образы человека и выявил базовый характер метафоры *тела*, используемой для описания не только человека, но и государства и его институтов, а также проследил весьма интересные изменения в её использовании. Такую же кропотливую работу он осуществил относительно греческой *психе*. Хотя это понятие не соответствует христианской «душе», он указал и на некоторые общие представления, в частности, на понимание души как эмоционального центра, отвечающего за проявление страстей и желаний.

В Греции, все, что касается полиса, ритуализировалось и наделялось сакральными характеристиками. Даже гимнастика, диетика, закаливание и иные телесные техники вовсе не были индивидуальной «заботой о себе», как это имеет место в фитнес-клубах, а практиковались в «гимнасии» с целью воспитания боевых способностей юношей. Отсюда нуждается в поправке фукианское истолкование «гимнасии» (Фуко 1998, 206). Даже если переводить это слово как «абсолютно голый», то речь не идёт об эротике в современном смысле. Юноши занимались нагими с целью закаливания. Аристотель считал мужское тело тёплым, а женское – холодным. Мужчины упражнениями и речами разогревают не только себя, но и мир, в производстве теплоты состоит их космологическое предназначение.

Чувство стыда, является универсальной антропологической константой (в Библии абсолютное бесстыдство, тождественное целомудрию, констатировано до грехопадения). Вряд ли греки были исключением. Вспомним Гомера. Когда Одиссей, выброшенный бурей на берег, приходит в себя, первое, что он делает – бросается в кусты и делает веник, прикрываясь которым следует во дворец за Навсикаей и её подругами. Что касается дошедших до нас изваяний обнаженных мужских тел, то надо напомнить, что зачастую это изображения павших воинов. Нам кажется не вполне приличным ставить такие памятники героям. Однако, учитывая отношение к телу как произведению искусства, становится понятным стремление показать самое дорогое, чем пожертвовал юный воин, защищавший полис. Поэтому Д. Ю. Дорофеев акцентировал наготу не как эротический знак, а как открытость, как форму доверия и близости, как жизнь на виду. Он дал подробное описание видов и форм симпатии, растолковал их названия. Он неутомимо собрал, изучил и прокомментировал философские и литературные источники, заново перевёл используемые греческими авторами термины. В результате глава, посвящённая любви и дружбе, оказалась как бы книгой в книге и может читаться отдельно. Но, при этом автор не нарушает сюжета, ибо раскрывает любовь и дружбу как формы интимной межличностной коммуникации.

А. Ф. Лосев отрицал обостренное чувство личности в античной культуре. Наоборот, М. Мосс считал, что именно в ней оно впервые зародилось. Вместо прямой полемики, Дорофеев различает понятия личности и индивидуальности. Представляется продуктивным и интересным концептуальное разделение личностности и личности: если первая является основой для второй, то вторая – полнота осуществления первой. В ходе его кропотливого исследования обнаруживается, что античное понимание греческого «просопон» и латинского «персоны» не соответствует нашему определению личности. Понятие личности оформилось в юриспруденции и окончательно, сложилось в Риме. Однако, по мнению автора, в трагедиях Эсхила, Софокла и Еврипида *de facto* раскрывается претензия человека на то, чтобы быть лицом уже не в анатомическом, а в персоналистическом смысле.

Пространства общения. Важным нововведением современной философии является так называемая топологическая рефлексия (Азаренко 2014, 15), истоком которой можно считать геофилософию Гуссерля, учение о месте Хайдеггера, структурализм Леви Стросса, и особенно концепцию дисциплинарных пространств М. Фуко. Реконструкция пространств образования, политической и частной жизни в античном обществе представлена в трудах П. Адо (1999), Г. Кнабе (2006), М. К. Петрова (2004). Делез и Гваттари, ссылаясь на Гуссерля, утверждали, что философия – это геофилософия, как история по Броделю – это геоистория. Она отрывает историю мысли от нее самой, связывает ее со средой. По Делезу «Философы – чужестранцы, однако философия – греческое явление» (Делез, Гваттари 1998, 113) Для понимания особенностей античной философии чрезвычайно важно знать организацию и структуру места, где она происходила. Оригинальность исследования Дорофеева состоит в описании устройства социальных и культурных пространств, образующих чаще всего не замечаемый самими мыслителями анонимный фон существования. Благодаря топологической рефлексии он уточнил и в ряде случаев заново определил базовые понятия античной философии. Общепринято, что значительную часть времени греки проводили на *агоре*. Другим местом общения был *симпозион*, который Дорофеев считает местом реализации подлинной межличностной коммуникации. Участники симпозиона не являются компанией гурманов, они собираются не ради вина и еды, а для решения важных вопросов. Но столь же неверно понимание симпозиона как философского семинара. Автор изучил обширную литературу о застольных беседах и пришёл к выводу, что главным результатом подобных собраний была дружественность, гость превращается из сотрапезника в товарища. Это предполагает личные обязательства и оберегает от предательства. (В описании Тайной Вечери в Евангелии от Иоанна примечательна обида Христа: тот, с кем я делил хлеб свой, поднял на меня пядю свою.) Совместная трапеза, симпозион – это встреча высочайшей метафизической концентрации, участники которой преодолевают индивидуальную разобщенность и переживают дружеское единство.

Пир, торжество сопровождается пением и музыкой (Афонасин 2015). Сегодня люди насыщаются, глядя в экран телевизора. Наши предки пели застольные песни.

Они славили свой род и своих героев, а не погружались в транс, не уходили в себя, а вырывались наружу на путь высоких чувств и славных дел. Гимны и дифирамбы исполнялись сообща и объединяли собравшихся. Очевидно, что музыка обладает более сильной властью, чем философия, и рассказ о встрече Одиссея с сиренами лучшее тому подтверждение. Откуда же исходит сила музыки? Если рассматривать её с семиотической позиции, то приходится искать значение, смысл, идею, которую она выражает. Но скорее всего, она предназначена не для этого, и интерпретировать её по аналогии с другими знаками, значит выбрать неверное направление. Платон, как известно, настороженно относился к рапсодам, сочиняющим романтические песни, уводящие слушателей в тёмные глубины души, и рекомендовал исполнять героические песни, открывающие дорогу подвига. Таким образом, музыка не столько непосредственно отражает или выражает идеи, сколько влияет на настроение. Способность музыки и поэзии воздействовать на чувства приводит к выводу, что она оказывается важной предпосылкой размышления, задаёт его настрой. Способ жизни, переживание самости, чувства боли, страдания, тоски или радости и счастья – этот переживаемый только мною опыт является непропозициональным и нетранзитивным, т.е. вербально невыразимым. И всё же мы каким-то образом понимаем чувства других людей. Для того, чтобы более полно представить специфику античной культуры, историку следует обучиться техникам анализа различных аудиовизуальных, ольфакторных, эротических, боевых и иных практик. Собственно, поэтому и стоит писать и читать работы по культуре повседневности, написанные философами. Может быть, эмпирический материал в книге Д. Ю. Дорофеева представлен не всегда полно, и не вполне точно по историко-филологическим критериям прокомментирован, все же не стоит пренебрегать такими книгами, поскольку они актуализируют античность, не дают превратиться ей в архив. Исследователь, разрабатывающий тему коммуникации, найдет в книге интересный материал, который открывает новые перспективы решения современных проблем. Для историка античной философии философско-антропологические подходы к пониманию языка и коммуникации, личности и общества также будут весьма полезными и помогут глубже и основательнее понять величие античной философии.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Адо, П. (1999) *Что такое античная философия*. Пер. с франц. В. П. Гайдамака. Москва.
- Азаренко, С. А. (2014) *Топологии сообщества*. Казань.
- Афонасин, Е. В. Афонасина, А. С., Щетников, А. И. (2015) *ΜΟΥΣΙΚΗ ΤΕΧΝΗ. Очерки истории античной музыки*. Санкт-Петербург.
- Гатри, У. Ч. К. (2015) *История греческой философии* в 6 т. Т 1: Ранние досократики и пифагорейцы. Пер. с англ. Под ред. и с прим. Л. Я. Жмудя. Санкт-Петербург.
- Делез, Ж., Гваттари, Ф. (1998) *Что такое философия?* Пер. с франц. С.Н. Зенкина. Москва / Санкт-Петербург.

- Егоров, А. Б. (2014) *Юлий Цезарь. Политическая биография*. Санкт-Петербург.
- Зайцев, А. И. (2000) *Культурный переворот в Древней Греции VII–V вв. до н. э.* Санкт-Петербург.
- Йегер В. (2001) *Пайдейя. Воспитание античного грека*. Т. 1. Пер. с немец. А. И. Любжина. Москва.
- Кнабе Г. (2006) *Избранные труды. Теория и история культуры*. Москва / Санкт-Петербург.
- Мельников, С. (2013) «Античный спорт», *Логос. Философско-литературный журнал* 5, 159–170.
- Петров, М. К. (2004) *История европейской культурной традиции и ее проблемы*. Москва.
- Светлов, Р.В. (2015) «Сократ в пространстве античного воображения», *ΣΧΟΛΗ (Schole)* 9, 169–185.
- Слезак, Т. (2008) *Как читать Платона*. Санкт-Петербург.
- Фуко, М. (1998) *Забота о себе*. Пер. с франц. Т. Н. Титовой и О. И. Хомы. Киев.
- Flashar, H.; Bremer, D. ; Rechenauer, G., Hg. (2013) *Grundriss der Geschichte der Philosophie*. Bd. 1: Die Philosophie der Antike. Basel.

CYRILLIC CHARACTERS REFERENCES transliterated (FOR INDEXING PURPOSES ONLY): Ado, P. (1999) Chto takoe antichnaya filosofiya. Per. s franc. V. P. Gajdamaka. Moskva. Azarenko, S. A. (2014) Topologii soobshchestva. Kazan'. Afonasin, E. V. Afonasina, A. S., Shchetnikov, A. I. (2015) ΜΟΥΣΙΚΗ ΤΕΧΝΗ. Ocherki istorii antichnoj muzyki. Sankt-Peterburg. Gatri, U. Ch. K. (2015) Istoriya grecheskoj filosofii v 6 t. T 1: Rannie dosokratiki i pifagorejcy. Per. s angl. Pod red. i s prim. L. YA. Zhmudya. Sankt-Peterburg. Delez, ZH., Gvattari, F. (1998) Chto takoe filosofiya? Per. s franc. S.N. Zenkina. Moskva / Sankt-Peterburg. Egorov, A. B. (2014) Yulij Cezar'. Politicheskaya biografiya. Sankt-Peterburg. Zajcev, A. I. (2000) Kul'turnyj perevorot v Drevnej Grecii VII–V vv. do n. eh. Sankt-Peterburg. Jeger V. (2001) Pajdejya. Vospitanie antichnogo greka. T. 1. Per. s nemec. A. I. Lyubzhina. Moskva. Knabe G. (2006) Izbrannye trudy. Teoriya i istoriya kul'tury. Moskva / Sankt-Peterburg. Mel'nikov, S. (2013) «Antichnyj sport», Logos. Filosofsko-literaturnyj zhurnal 5, 159–170. Petrov, M. K. (2004) Istoriya evropejskoj kul'turnoj tradicii i ee problemy. Moskva. Svetlov, R.V. (2015) «Sokrat v prostranstve antichnogo voobrazheniya», ΣΧΟΛΗ (Schole) 9, 169–185. Slezak, T. (2008) Kak chitat' Platona. Sankt-Peterburg. Fuko, M. (1998) Zabota o sebe. Per. s franc. T. N. Titovoj i O. I. Homy. Kiev.